

Глава 338: Десять тысяч мечей формируют дракона

Гори.

Чэнь Чаншэн говорил сам себе. Юноша был невероятно спокоен.

Когда слова прозвучали эхом в его сердце, открытые равнины, которые содержали снег, начали быстро гореть. Сила огней была в бесчисленные разы сильнее, чем ранее, и всего за мгновение снег был полностью сожжен. В тоже самое время красивое синее пламя также появилось на поверхности чистого озера, окружающего Духовную Гору.

Снег был расплавлен в воду, которая превратилась в туман. Возможно, он вновь сконденсируется в воду, или может быть, рассеется, как туман. Всё это было истинной эссенцией. Она дико и стремительно бушевала по его телу, с силой устремляясь через его заблокированные меридианы. В осушенном русле реки она спешила через кучи камней и пропасти от начала до конца.

Бешеная истинная эссенция зажгла его кровь, поджигая его внутренние органы и меридианы. Это принесло невообразимую боль, которая заставила его лицо стать невероятно бледным. Однако, это также заставило его глаза сиять ярче и ярче.

Чэнь Чаншэн поднял свой уровень культивации до пика без малейшего волнения. Он стоял на грани жизни и смерти, и использовал свою собственную жизнь для сражения. Он лишь сделал это, чтобы предоставить достаточно истинной эссенции кинжалу в его руке, чтобы пробудить свою душу.

Огромный Златокрылый Великий Пэн в небе перед мавзолеем безразлично смотрел на юношу. Сильные ветра и потоки воздуха слились со светом на краю его крыльев, который казался невероятно величественным. Священное пламя в его глазах становилось еще холоднее, в нем появилось расплывчатое чувство уважения.

Тело Чэнь Чаншэна, искупавшись в крови дракона, приобрело защитные навыки, которые были близки к совершенству. Однако, с неистовым горением снежных равнин до границ озерной воды, внутри него взорвалось невообразимое количество истинной эссенции. Его тело более не смогло справиться с этим и начало разрываться.

Часть, которая разорвалась первой, была углом его глаз, а затем последовали его барабанные перепонки. Несколько потоков крови потекло с его лица, и вслед за этим, кожа на лице юноши также начала растрескиваться. Потекли потоки свежей крови, и эта сцена казалась невероятно ужасающей. В кровавых трещинах были видны кости, а также пламя, неясно похожее на проблески звезд. Кровь вытекала из его лица и рук, промолив его одежду. Она также намочила рукоять меча и пала на поверхность каменной платформы, прежде чем продолжить гореть.

Неописуемый аромат рассеивался в окружения мавзолея с его кровью. Когда его кровь запылала, аромат стал тяжелее в несколько раз. Он рассеялся еще дальше, достигая края равнин.

Наиболее чувствительными к этому аромату, конечно же, были монстры. Черный океан, окружающий мавзолей, вновь встал взбешенным, и монстры, которые были подавлены мощью Златокрылого Великого Пэна и не могли поднять свои головы, не смогли сопротивляться этому запаху. Это было подобно соблазну, который пришел из глубочайших частей жизни, и все они подняли головы один за другим, чтобы взглянуть в воздух над мавзолеем. Их дыхание ускорилося, и они громко и тяжело дышали. У монстров начала выделяться слюна, а их глаза

покраснели. Они были радостными и ненасытными.

Златокрылый Великий Пэн тоже учуял этот аромат. У тени, которая окутала небо, ее глаза были подобны двум парящим огням священного пламени. В этот момент два пламени начали бешено гореть, и некоторые эмоции наконец-то появились в его безразличном, священном ци.

Эмоции были восхищением к жизни, тоской по жизни, жажде жизни и... стремлением к жизни.

Это были эмоции, которых Чэнь Чаншэн боялся больше всего, и это было то, чего он боялся больше всего. Однако, сейчас он не был напуган, потому что был всего лишь отделен тонкой линией от смерти. Его нога уже была на дверном проеме, и если он лишь мог сжигать себя, чтобы пробудить душу, почему его должны были волновать эти взгляды?

Тень Златокрылого Великого Пэна приземлилась на мавзолей. Монстр раскрыл свои крылья и окутал порцию равнин с окружностью в тысячи ли. Как небо, так и земля стали темными. Весь свет, падающий на мавзолей, был скрыт. В округе была крошечная тьма, как будто наступила истинная ночь, которую никогда не видели равнины. Десять тысяч мечей немного дрожали, и почти не могли выдержать этого. Некоторые мечи медленно падали подобно листьям.

Невероятно могущественное давление, которому не было равных, смешалось с неутолимой жаждой. Оно, как казалось, стало чем-то материальным, и приземлилось на тело Чэнь Чаншэна перед главным входом мавзолея.

В этот же миг свежая кровь, которая текла по его телу, свернулась. Пылающее пламя было потушено. Давление рассеяло черные волосы, которые были завязаны за его спиной, и после этого черные волосы начали сморщиваться и становиться желтыми с конца, медленно превращаясь в пыль, дрейфующую вниз.

Пробудись.

Он посмотрел на кинжал в своей руке и сказал в своем сердце.

Пробудись.

Он тихо говорил своему сердцу.

Чем было сердце? Оно было Неземным Дворцом. Где был Неземной Дворец? Он был на вершине Духовной Горы. Дверь к Неземному Дворцу Чэнь Чаншэна давно была открыта. На Духовной Горе не было и одного павшего листа, и она была окружена озерной водой, которая казалась реальной и фальшивой в одно и тоже время. Гора была в озере.

Озеро, которое парило в воздухе, было очень ясным и невероятно прозрачным. На его поверхности горело синее пламя. В глубочайших его частях спокойно парила духовная душа Черного Дракона. С зовом Чэнь Чаншэна, очень легкая дрожь прошла от Неземного Дворца к горному пути Духовной Горы. После этого она распространилась к озеру, и поверхность озера покрылась рябью. Она нежно омывала тело Черного Дракона, тепло поглаживая его, как, когда ее отец будил ее каждым утром, когда покидал дом.

Черная Драконица медленно открыла глаза. В ее щелевидных зрачках появилась нотка разочарования, и она посмотрела на куски льда в окружающей озерной воде. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что произошло с тех пор, как она заснула, а затем почувствовать дрожь на дне озера от Неземного Дворца. Она услышала голос Чэнь Чаншэна, и за один миг поняла, что происходило снаружи. Она даже увидела Златокрылого Великого Пэна

в небе.

Ее глаза излучали холодное ци. Это было высокомерие и пренебрежение. Хотя в этот самый момент она была лишь духовной душой, она не смогла устоять перед вызовом Великого Пэна. Высокомерие и пренебрежение превратились во взрывную злость.

Отчетливый и злобный рев дракона реверберировал из глубин озера. Он не распространялся далеко, но заставил озерную воду непрерывно вздыматься. Поверхность озера стала гореть еще более бешено, и с громким звуком взрыва Черная Драконица вырвалась из озерной воды. Она покинула Неземной Дворец и полетела к открытым равнинам, на которых уже был сожжен весь снег. Она последовала туману и потоку истинной эссенции, сформированному чистой водой, и полетела над руслами реки, которые уже не были сухими. Следуя сознанию Чэнь Чаншэна, она вошла в его руку, а затем попала в совершенно новый мир.

Духовная душа Черного Дракона попала в кинжал, но для нее это был совершенно незнакомый мир. Он был полон золотого света, и невероятно знакомое ци этого мира заставило ее почувствовать несказанную близость. Два ци были настолько сильными, что они даже заставили ее почувствовать себя немного неловко, но у нее не появились противоречивые мысли, потому что эти два ци были ци ее старших товарищей.

Никто, даже сам Чэнь Чаншэн, не знал, насколько близко этот кинжал относился к расе Драконов.

В заброшенном храме Деревни Синин Юй Жэнь подарил ему кинжал. Юноша использовал кинжал, чтобы участвовать во многих битвах. Острота кинжала принесла много шока в этот мир, но в действительности, истинная сила кинжала совсем не было использована.

Это было связано с тем, что его уровень культивации был слишком обычным, и он не мог усовершенствовать намерение меча, которое соответствовало бы кинжалу. Также с тем, что с пятнадцати лет назад, когда кинжал был успешно выплавлен, он всегда был в состоянии нежеланности, не желая пробуждаться.

Это продлилось до этого момента, когда душа дракона вошла в кинжал и встретила намерение Меча Крика Дракона. Это заставило кинжал пробудиться.

Действительно пробудиться.

Чэнь Чаншэн не знал, какое изменение произошло с кинжалом, но он знал, что он пробудился.

Душа клинка пробудилась.

Юноша поднял голову и посмотрел на Златокрылого Великого Пэна в небе над мавзолеем. Его лицо было спокойным, а глаза - яркими и полными намерения сражаться. Десять тысяч мечей в окружениях мавзолея медленно поправили свои положения и указали на Великого Пэна под его взглядом, готовясь сражаться.

«Действуй!», - сказал он кинжалу через свое сердце. Однако, юноша не знал, что на самом деле прокричал это слово своим ртом.

«Действуй!»

Он бросил кинжал в руке к небу.

Кинжал превратился в поток золотого света и покинул каменную платформу перед главным входом мавзолея. Он полетел к Златокрылому Великому Пэну. Бесчисленные лучи золотого света поднялись перед мавзолеем с дрожанием мира. Десять тысяч мечей одновременно резонировали, издавая отчетливый или грубый резонанс.

Десять тысяч мечей со свистом пронзили воздух и последовали за кинжалом. Они ярко сияли.

Желтый Бумажный Зонтик в его левой руке немного подрагивал, как будто он подбадривал или давал благословения.

Кинжал прочертил идеально прямую линию в мрачном небе.

Десять тысяч мечей близко последовали за ним, превращаясь в тонкую ленту десяти ли в длину.

Десять тысяч мечей поднялись высоко в небо. Лучи света изливались из края крыльев Златокрылого Великого Пэна и падали на них.

Мечи отражали свет и постоянно мерцали ослепительным блеском, как будто они были чешуйками.

Десять тысяч мечей были десятью тысячами чешуек, соединенных в небе. Прямо перед ними был кинжал.

Кинжал излучал невообразимое давление и сияние.

В священном свете казалось, как будто появилась голова золотого дракона.

Это была голова Золотого Дракона. Его драконьи усы развевались на ветру и прорезали длинное небо.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/87286>